Каждый год, обычно в июле, Свирин приезжал к родителям в деревню. Сначала студентом, потом с молодой женой, потом с женой и дочками, а теперь один — дочки выросли, с женой развелся.

Свирин и его родители не были деревенскими по рождению. Когда-то жили в большом городе — столице одной из союзных республик в Средней Азии. Но начались межнациональные конфликты, стало неуютно и тревожно, и они решили перебраться в Россию — тогдашнюю РСФСР. В то время взять и купить квартиру было невозможно, а меняться желающих не было, потому купили вот этот дом в сельце в Красноярском крае, бревенчатый, с двумя комнатами и кухней, пятнадцать соток земли при нем. Перевезли в контейнере вещи, выписались, сдали свою благоустроенную двушку государству.

Соседи, и прежние, и новые, недоумевали, как можно добровольно сменить большой город, хорошие должности с приличной зарплатой на деревенское житье, сына Олега перевести

из престижной школы в зачуханную. Но буквально через полгода Советский Союз развалился на пятнадцать отдельных стран, и таких как Свирины переселенцев стало множество. Правда, этим было куда хуже — многие бежали, бросив жилье со всей обстановкой, селились в съемных квартирах, балках и вагончиках, искали и не находили работу, которая вдруг стала главным дефицитом. По сравнению с ними Свирины выглядели крепкой и обеспеченной семьей.

В девяносто втором сын Олег окончил школу и поступил в вуз, и не куда-нибудь, а в Уральский университет. В Свердловске. Хорошо учился, заодно стал заниматься предпринимательством. Купил квартиру, женился; по специальности не работал, но это, наверное, к лучшему — однокурсники получают копейки, а его неброский, мелкий вроде бы бизнес сытно кормил, позволял вывозить дочек на море. Но, по крайней мере, раз в год, обычно в июле, Олег Свирин выбирался к родителям.

Как растут овощи, он впервые увидел после переезда, здесь, в деревне. И полюбил огородничество. И, кажется, сильнее сыновьего долга навещать родителей было желание повозиться с растениями. И вот он, лысеющий, грузноватый мужик, полол грядки, подвязывал помидоры, радовался пухнущим огурцам, боролся с муравьями, собирал садовую клубнику, которую в этих краях называли викторией.

Странно, но на своей даче под Екатеринбургом он не разбил ни одной грядки — для него существовал единственный огород, родительский… Может, какой-нибудь психолог нашел бы у Свирина последствия потрясения из-за переезда, того тяжелого положения, в каком оказалась их семья тогда, — наскоро засаженная земля избавила их в первую зиму от голода. Картошка бывала на столе по три раза в день — вареная, жареная, пюре. К ней добавлялись или изредка ее заменяли соленые огурцы, лобио из фасоли, гороховая каша, маринованные кабачки, салат из морковки…

И вот теперь, словно перелетную птицу в определенный срок, Свирина тянуло на огород, тот, родительский, чтобы хоть не всерьез уже, а так, почти ритуально, поучаствовать в выращивании всех этих продуктов. К июлю эта тяга становилась непереносимой, и он приезжал.

Полол, подвязывал, поливал, рыхлил с удовольствием. Хотя и понимал, что это удовольствие недолгое — к концу месяца лезущие и лезущие сорняки приведут в отчаяние, обрастающие все новыми пасынками и лишними листьями помидоры будут раздражать, вид виктории станет вызывать тошноту, комарье, слепни и оводы издергают нервы; Свирин почувствует, что надо уезжать, и купит билет…

Этот приезд начался, как обычно, — в общем-то, как двадцать четыре предыдущих. Свирин занял времянку, потом посидели за празднично накрытым столом и, слегка захмелевший, переодевшись в сохраняемые мамой треники с тремя полосками на штанинах, футболку с гербом «Мальборо», старые, но надежные кроссовки, когда-то синюю, а теперь выцветшую до серости бейсболку, он отправился на огород.

Вспомнил, как года четыре назад попал сюда в начале апреля. Отца положили в больницу, и он приехал поддержать его, помочь по хозяйству маме.

Огород лежал тогда пустой, темный, слабый. Длинные прямоугольники грядок, бугор не раскиданного с прошлого года парника, каркас не обтянутой пока полиэтиленом теплицы. Вдоль заборов сухие будылья крапивы, единственная зелень — молодые перья лука-батуна да деляна виктории.

Казалось, все сорняки изничтожены в прошлом году, не успев дать семена, все корни вьюна, пырея, осота вынуты из земли, и теперь здесь будут только культурные, посаженные людьми растения. А приехал через три месяца и увидел, что сорняки никуда не делись — душат культурное, сосут из земли соки.

Начал с самого легкого — с чесночных гряд. Драл, драл лебеду, свекольник, вьюн, мокрец, пастушью сумку, одуванчик, еще что-то, название чего не знал, получая странное, почти звериное наслаждение…

За ограду в свои приезды Свирин выходил редко. К колодцу, в бор посмотреть грибы, к хлебовозке. За продуктами ездил в райцентровский городок на автобусе.

Родители рассказывали новости их маленькой — из одиннадцати дворов — улицы. Кто умер, кто уехал, а кто поселился, но Свирину было не очень-то интересно: он не успел по-насто-

ящему познакомиться с местными после переезда, даже имена и фамилии учителей и одноклассников не запомнил — тот год в школе стерся из памяти, наверно, от ужаса перед новой и необычной жизнью, а приезжая позже, он ни с кем не сближался, никого не выделял — с равной вежливостью и равным равнодушием здоровался со старушками, мужчинами, девушками.

Его интересовал только огород. Причем, сам тому удивляясь, он хотел, чтоб все в нем оставалось, как было. Чтоб помидоры росли на одном и том же месте, и арбузы, редиска с морковкой, фасоль, чеснок, капуста. Он досадовал, что кус возделанной земли из года в год съеживается — полосы сорной травы вдоль ограды становятся шире и шире. Но сам расширить этот кус за месяц пребывания здесь не успевал.

Когда родители вместо самодельной теплицы, которую нужно было каждый год обтягивать пленкой, купили поликарбонатную, надежную, на много лет, Свирин почувствовал что-то вроде раздражения, будто у него отняли важное. Так же было и с насосом «Кама», тяжелым, плохо закачивающим воду из пруда, который родители сменили на легкий и мощный «Малыш». И даже с проволочками на месте соединения шлангов — на их месте появились удобные, но какие-то чужие ему хомуты.

Другими делами Свирин почти не занимался. Перебрал, правда, два раза забор, положил несколько шиферин на месте лопнувших, сколотил новый деревянный тротуарчик во дворе, чтоб в дом грязь не таскалась. Но все это так, по необходимости, без удовольствия.

В этот приезд возникла очередная необходимость отвлечься от огорода.

На третий или четвертый день, вставив во времянке зарядное устройство в розетку, Свирин заметил, что телефон не осветился благодарно. Щелкнул выключателем — лампочка не зажигалась.

Электричество в деревне отключали частенько, поэтому он не затревожился. Но, когда вошел в избу, увидел — свет там есть, плитка работает.

— О, а у меня не фурычит!

Не фурычило, как оказалось, и в бане, под навесом с инструментами.

Свирин отсоединил провод, протянутый от избы к этим строениям, стал осматривать замотанные изолентой соединения, розетки. Провод оказался ломкий, с крошащейся и осыпающейся изоляцией.

— Надо менять, — сообщил Свирин родителям и увидел в глазах отца растерянность. А мама засуетилась:

— Может, этот как-нибудь еще подюжит? И у нас тут собрано…

Быстро достала из чулана мешок с мотками проводов. Но все они были старые или неподходящие.

— Это телеграфный, а это вообще для антенны.

— Что же делать-то… — мама вдруг стала жалкой и крошечной.

— Да ничего, — стыдясь ее такой, резковато сказал Свирин, — завтра съезжу в город и куплю метров тридцать.

— И звать ведь нужно кого, чтоб сделали.

— Я справлюсь.

Мама посмотрела на него с недоверием. Но не спросила, сможет ли сам. Спросила другое:

— А сегодня как, без света будешь?

— Побуду без света.

— А поливать? Если не получится, то поливать-то как… Завтра обязательно надо полить.

Свирин стал злиться. Не на маму, скорее, а на этот довольно длинный и бестолковый диалог. Произнес веско, как на переговорах по бизнесу:

— Все получится.

Занес мешок с проводами обратно в чулан и пошел пасынковать помидоры.

Когда что-нибудь не клеилось или с родителями возникала напряженность, он пасынковал помидоры — в такие моменты не чувствовал жалости и обрывал все лишнее почти до верхушки. И помидоры после этого плодоносили особенно щедро.

Но маму тон Свирина не убедил — она привела соседа. Мужчину лет тридцати пяти. Правда, мужчиной его назвать было сложно — до сих пор парень. Худой, шебутной, какой-то раздерганный.

Свирин не помнил, как его зовут, раза три-четыре здоровался при встрече, знал со слов мамы, что он с женой и детьми купили не так давно дом умерших стариков Тернецких.

— Здоров! — перепрыгивая через грядки, тянул он правую руку, а в левой держал короткий моток провода. Желтоватого от старости. — Погнали наладим!

Парень был датый. Глаза на молодом еще лице мутные, как бельма. И Свирина сжало неожиданное и сильное бешенство. Не такое, когда хочется орать и метаться, а приводящее в оторопь.

— Чего? По-быстрому сделаем.

— Я сам, — сказал Свирин так, что парень отшатнулся.

Свирин нашел взглядом маму, мнущуюся возле калитки в огород.

— Я же сказал: я сам. Тем более… — слова выдавливались из горла с трудом, — что это за огрызок? Это вообще для настольной лампы… Электричество — не шутка… И в пьяном виде лезть…

Теперь и парень ощетинился:

— А ты чего злой такой?

— Я не злой. Я — занят. До свидания.

— Ну до свидания. — И, пожимая тощими плечами, он ушел.

Минут через десять подошла мама.

— Сынок, извини. Они говорили, им должны провода во всем доме менять как многодетным, и я думала, может, осталось что. Увидела, что он выпивший, пожалела, что сунулась, а он: пойдем, сделаем… Извини, ладно? И отцу не говори только.

— Не надо меня позорить, — сухо ответил Свирин, ощипывая очередной помидор.

— Да я не позорю…

— Мама, я взрослый человек, мне сорок четыре года. Я сам знаю, что делать. И как.

— Но ведь как без света-то? Поливать надо завтра.

— Сделаю проводку, и вечером польем.

Мама постояла, потом спросила осторожно:

— Может, в избе переночуешь?

— Не волнуйся, все нормально, — с расстановкой, отчетливо ставя после каждого слова точки, сказал Свирин.

Лег в темноте, поставил будильник в телефоне — зарядил днем на кухне — на семь утра.

В восемь сел в автобус. В девять был в райцентре, купил на рынке тридцать метров провода, новые пассатижи, отвертку с набором бит, розеток, выключателей, патронов, пяток малосольных хариусов. Съел порцию вкусного бигуса в столовой при автовокзале, подремал на сиденье рядом с настоящими сельскими жителями. В час дня сел в автобус, а в два был у родителей.

Пообедали, Свирин взялся за работу. На самом деле очень боялся, что не сможет, запутается. Особенно — когда менял розетки и выключатели. У себя дома он если что вызывал электрика. Но — получилось. Приложил алюминиевые стерженьки нового провода к гнезду под потолком в сенях, увидел искорки контакта. Прикрутил, проверил розетки и выключатели. Работало.

— Ну вот, — сказал родителям, — можно поливать.

В маминых глазах увидел удивление и благодарность. Вроде того что — сынок-то наш вырос… Свирин усмехнулся.

Полили огород хорошо, обильно. Ночь обещалась быть теплой, в такую подпитанные влагой растения прут как на дрожжах.

Пока Свирин с отцом перекуривали, выкладывали шланги для нового полива, убирали вилы, лопаты, грабли, закрывали теплицу, умывались под рукомойником во дворе, мама позвала ужинать.

Свирин обычно почти не выпивал, но сегодня, чувствуя особое удовлетворение от прожитого дня, проглотил одну за другой две стопки. Закусывал харюсками.

— Попозже, — приподнимал руку, когда мама порывалась положить ему в тарелку тефтелей, — не хочу разрушать вкус рыбы. Очень вкусная…

Отец в несколько мелких глотков осушил свою стопку, наполненную Свириным далеко не доверху, ел мало, медленно, как-то через силу.

Залаяла Чича. Вообще она лаяла очень часто, при виде Свириных начинала прыгать и скулить, а когда во двор заходили чужие — хрипела, рвалась с цепи. Часто рычала на свою пустую миску

и гоняла ее вокруг будки… Два года назад брали просто собачку-звонок от низкорослой дворняги, а выросла настоящая лайка.

— Кто-то к нам, — прислушавшись к тембру лая, сказала мама и стала подниматься; ходила она хоть и грузно, но довольно быстро, а вот поднималась и делала первые шаги тяжело, словно суставы за время сидения отвыкали двигаться, сгибаться и разгибаться.

— Давай я гляну.

Свирин по-молодому вскочил, быстро прошел сквозь сени на двор, через него — к воротам. Открыл калитку.

— Неси сдачу! — ликующе-высокомерно объявил ему голый по пояс парень.

Сперва Свирину показалось, что это тот же самый, что приходил вчера, правда, успевший остричься почти налысо. И лицо похоже, и голос, а вернее, манера говорить. Глаза, мутные, без зрачков.

— В каком смысле — неси сдачу? — строго спросил Свирин.

— Деньги принес — неси сдачу.

— А если нет сдачи?

— П-фу-у! — парень фыркнул. — У вас-то и нет сдачи?

— Молодой человек, что это за интонация вообще?

Свирину хотелось многое сказать ему, но подошла мама.

— А, Саша, здравствуй. Что такое? — начала приветливо, заискивающе даже.

— Деньги принес, теть Галь, сдачу надо.

— Сейчас, сейчас. Со скольки сдачу?

— Мама, что происходит? — Свирин был поражен. — Это он у тебя занимал или ты у него?

— Олег, иди в дом.

Она сказала это так категорично, как раньше, когда Свирин-ребенок в чем-нибудь провинялся. И он послушно ушел.

Мама вернулась минут через пять, села за стол. К Свирину уже вернулась его взрослость, и он повторил:

— Как это понимать? Кто это вообще?

— Вали Тяповой муж. Деньги вернул.

— У нее, кажется, другой был…

— Петрунин? Он сбежал. А Саша — хороший.

— Да уж! Я бы ему ответил на его «неси сдачу». Ну вот прямо взял и побежал за сдачей… Даже ведь не поздоровался!

— А что ты от них хочешь, сынок? — как-то одновременно и жалостливо, и с упреком спросила мама. — Откуда им культуры набираться? Беляков, которого ты вчера так, прямо скажу, послал, на вахтах по месяцу, и здесь хозяйство, трое детей. У Саши этого родители алкоголики, он и до девятого класса не доучился… скотником. Он рад-радешенек, что долг принес, горд за себя, поэтому и ведет так… Я, — мама с усилием и со всхлипом, что ли, выдохнула, — я вчера перед Беляковым сколько времени извинялась…

Свирин вытаращил глаза:

— За что?

— За твое поведение. Да. Нельзя так с людьми. Он ведь обиделся.

— Что пьяный прибежал электричеством заниматься?

— Ну ведь он же помочь хотел, искренне. А ты его… Он нам сколько раз помогал, — мама оглянулась на отца и дернула головой, как бы призывая его согласиться, и отец кивнул. — И Саша тоже. Что случится — мы к ним. И они ни разу не отказали. Коровы на задах городьбу опрокинули той весной — Саша на горбу два бревна принес, сам вкопал. Воду не могли закачать — Беляков пришел, закачал, мостки наладил. Культуры нет, а душа есть… Ты вот, сынок, приехал и уехал, а мы здесь, с ними, каждый божий день. И кроме них нам обратиться не к кому. А мы будем их посылать…

Свирин всмотрелся в маму, в отца, перенесшего несколько лет назад инсульт, и будто очнулся от долгого сна. Увидел, что это старые, обессилевшие и беззащитные люди.

Продолжавшийся четверть века период его поездок, чтоб с удовольствием покопаться на огороде, закончился.